В.И. Терентьев

ПОИСКИ МОНГОЛЬСКОЙ НАЦИИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 1911–1921 гг.

Освещаются версии происхождения монгольской нации и предлагаются концептуально иные прочтение и осмысление социально-политических событий 1911–1921 гг. Путём акцентирования внимания на имущественной и сословной стратификации монгольского общества начала XX в., а также анализируя оригинальные события в Западной Монголии, демонстрирующие особое состояние этнического самосознания населения региона, делается вывод об отсутствии ощущения общенационального единства у всех монголов, которому только предстоит сформироваться в последующую эпоху социализма. Вместе с этим десятилетие рассматриваемых в статье событий для западных монголов послужило качественным этапом переосмысления своего места в этнокультурном диалоге с халха-монголами.

Ключевые слова: нация; западные монголы; освободительное движение; историографические традиции.

Социально-политические процессы во Внешней Монголии 1911–1912 гг., обозначившие начало «автономного» периода, именовались в советской и социалистической монгольской историографиях «национально-освободительным движением» [1. С. 97–108; 2. С. 32–47; 3. С. 256–259], а в современной российской характеризуются как «национально-освободительная революция» либо «национальное освобождение» [4. С. 25, 28; 5. С. 12]. В таких подходах имплицитно подразумевается наличие в Монголии того времени нации со сформировавшимся самосознанием, что, как известно, не может являться сиюминутным актом. С опорой на рассуждения В.А. Тишкова и несколько расширяя его определение [6. С. 157], под словом «нация» в настоящей статье понимается совокупность людей на основе этничности с наличием чувства гражданской солидарности и общности, т.е. со сформировавшимся национальным самосознанием, являющимся частным случаем этнического. Вместе с тем необходимо понимать, что нация проявляется в «степени консолидированности и степени лояльности своему государству» [Там же. С. 163]. Национализм – это «идеология и практика, основанная на представлении, что основой государственности, хозяйственной и культурной жизни является нация» [Там же. С. 157], также национализмы – это схемы, по которым идёт процесс конструирования и параллельного объяснения нации.

Поиски монгольской нации в событиях 1911–1921 гг. относятся к общей дискуссии о времени её возникновения. В литературе оформилось шесть основных взглядов на проблему происхождения монгольской нации. Начнём хронологически с самого древнего. Согласно наиболее распространённой в современных обыденных представлениях точке зрения, монголы как нация оформились ещё во времена господства хунну в III в. до н.э., что анализируется польским этнологом З. Шмытом [7. С. 114–115]. Отождествление хунну и монголов официально декларируется в современной Монголии и нередко доносится до масс нынешним президентом страны Ц. Элбэгдоржем: «Гунны – это монголы. Монголы – это гунны. То, что история монгольского государства исчисляется как минимум в

2220 лет, является сегодня доказанной истиной» [8. С. 170].

Согласно второй точке зрения, монгольская нация оформилась в 1206 г. во время провозглашения Темучжиной Чингисханом и образования Монгольской империи. В трудах монгольских исследователей и в официальной государственной точке зрения эта версия преобладающая. В XIII в. появляется ряд терминов *Монгол улс*, *монгол иргэн*, *монголчин*, что подтверждает данную версию [9. Р. 57]. В единственном монгольском источнике по имперскому периоду «Тайной истории монголов» слово «иргэн», согласно выводам Т.Д. Скрынниковой, встречается в значениях «род, племя, народ, юрта, подданные, крепостные, холопы» [10. С. 24]. Рассматривая варианты перевода средневекового понятия *ulus*, указанный автор склоняется к версии «народ-удел» [Там же. С. 38]. Создание государства, появление единого этнонима или, вернее, политонима *монгол*, замена родового деления на военно-административную «способствовали, по мнению некоторых историков, созданию национальной идентичности» [7. С. 115].

Косвенным сторонником этой версии является Ш.Б. Чимитдоржиев. Противостояния монголов во главе с Амурсаной и Чингужавом завоевательной политике маньчжуров во время покорения ими Южной Монголии, халхаских аймаков и Джунгарского ханства историк именует «национально-освободительным движением монгольского народа», полагая, что все группы монголов представляли собой единый народ, а отдельные феодальные государства – единую, но раздробленную Монголию [11]. Такой взгляд несёт в себе отголоски методологии классовой борьбы, восходящей к советской историографии, квинтэссенцией которой являются работы академика Б. Ширендыба и коллективная монография «История Монгольской Народной Республики» [2. С. 32–47; 3. С. 216–219]. Вместе с тем бурятский исследователь Ш.Б. Чимитдоржиев отмечает, что в рассматриваемое им время «в стране не было общенационального единства» [11. С. 3].

Такая точка зрения критикуется западными исследователями. Ч. Боудэн напоминает, что «чтение этни-

ческих терминов, в обход событий, может ввести в заблуждение, а в момент завоевания маньчжурами не было никакого сплоченного чувства монгольской нации» [12. Р. 40]. К. Этвуд пишет, что только потомки Чингисхана – тайджи – «были единственными полноправными членами монгольской общины» [13. Р. 507]. Д.А. Снис считает, что «во время эпохи [Чингисхана] трудно определить четкий смысл монгольской этнической идентичности, отличной от благородного или элитного происхождения» [14. Р. 152].

По третьей версии монгольская нация оформилась в период нахождения Монголии в составе империи Цин (середина XVIII в. – 1911 г.). Такое предположение делает К. Каплонски, сам являющийся сторонником формирования нации при социализме: «Может быть, возникновение монгольской нации относится к концу XIX в., [но] национальная идентичность в более широком смысле стала актуальна только с установлением социалистического режима в 1920-е гг.» [15. Р. 35]. Косвенным подтверждением приверженности третьей версии является факт признания Долоннорского съезда князей Халхи (1691 г.), на котором состоялась процедура принятия ими маньчжурского подданства, датой вхождения всей Монголии в состав империи Цин [3; 5. С. 16; 11. С. 48]. По словам историка, академика АН Монголии Ж. Болдбаатара, эта акция, как и ряд мероприятий Ундур-гэгэна Занабазара, помогли «сохранить единство монгольского народа» [16]. В таком случае исследователи игнорируют ойратов Джунгарского ханства, потомки которых являются неотъемлемой частью современных монголов, а история самого ханства – этапом в истории всей Монголии. По мнению Д.А. Сниса, трудно предположить, кто из сословного населения хошунов империи Цин мог идентифицировать себя с монголами, поэтому он полагает, что сложение монгольской нации в современном её понимании произошло в XX в. [14. Р. 150].

Четвёртая версия гласит, что монгольская нация оформилась в начале XX в. Её сторонниками являются Ч. Боудэн, А. Натансон, М. Россابي [7. С. 116]. Отголоски такого подхода слышны в работах тех, кто именует события 1911–1921 гг. национально-освободительным движением. Критика такого именования известных событий с опорой на выявление этнического самосознания западных монголов составляет главную задачу статьи.

Согласно пятой точке зрения, нация оформилась только в период существования МНР (1924–1990 гг.). Этому положению придерживались все советские этнографы и историки. С ним согласен К. Каплонски, специально изучавший проблемы происхождения нации и виды монгольского национализма [15].

К последней, шестой точке зрения, можно отнести работы отдельных исследователей, ставящих под сомнение факт наличия сегодня в Монголии сплочённой нации. Крайних взглядов придерживается А.С. Шмыт, рассматривающая современную монгольскую нацию

как «фантом, в центре которого находится фигура Чингисхана» [17. С. 310]. По мнению А. Динера, ситуация с казахами, составляющими этническое большинство в Баян-Ульгийском аймаке на западе страны и живущими в полуавтономном режиме, тормозит реализацию современного проекта гражданской нации [18].

От историографического обзора переходим непосредственно к анализу характера социально-политических событий 1911–1921 гг. В этой связи примечательны слова В.А. Тишкова, полагающего, что в ряде случаев выступление «всего народа» – это не более, чем миф, закреплённый в метафоре «народной войны» [6. С. 121], поэтому события, предшествующие провозглашению МНР, требуют особого рассмотрения с точки зрения анализа их как фактора, способствующего консолидации монгольских «племён» в предтечу гражданской нации. Особый акцент необходимо делать на восприятие процессов «национальной консолидации» (если они имели место быть) в среде западных монголов.

Современными монгольскими исследователями события 1911 г. однозначно трактуются как «национальная революция» [19. Т. 5. С. 50–59; 20. С. 93]. Вместе с этим имеются противоположные взгляды Е.А. Белова. Провозглашение независимости Монголии, по его мнению, неверно называть «революцией», потому что феодальные руководители процессов ставили главной целью отделение от Китая, а не коренное изменение развития общества, что подразумевается самим определением, «оставив в нетронутом виде архаические общественно-экономические отношения в стране» [21. С. 108]. Некоторые венгерские историки также полагают, что термин «революция» более применим к событиям 1921 г., ибо в 1911 г. не произошло изменение социальной структуры Монголии, поскольку целью движения была независимость [22. Р. 94]. К. Каплонски не отрицает существование у интеллектуалов националистических настроений, которые, однако, не имели массового распространения у рядового населения страны. Исследователь обращает внимание на имущественное расслоение монгольского общества [15. Р. 36–37].

В монгольской науке социалистического периода также считалось, что в истории страны была только одна революция – Монгольская народная 1921 г. Эта традиция, считающая, что в 1911 г. к власти взамен цинских феодалов пришли местные, исключала понимание рассматриваемых событий как революционных, так как в период автономии сохранялся «феодално-колониальный гнёт» [2. С. 38; 23. С. 131]. В связи с этим произошёл дальнейший рост «антифеодального, антиростовщического и антиимпериалистического движения» [24. С. 73–89].

Чтобы в поисках монгольской нации сравнительно близко подойти к истине, необходимо разобраться, что в обществе Внешней Монголии начала XX в. было больше: спланированных факторов, среди которых, безусловно, ведущую роль играли религия, письменность

и негативное отношение к китайским торговцам, или разъединяющих? Учитывая массовую безграмотность монголов (грамотными было 3–4% населения либо немногим больше [23. С. 107]), две системы письма – халхаская и ойратская – играли большую роль только в среде образованного духовенства и светской аристократии. Причём среди духовенства большее распространение имел тибетский письменный язык (реже – санскрит). Уместно полагать, что в определённой исторической и методологической парадигме исследователи видят то, что желают (или должны?) увидеть: советские историки – классовую борьбу, современные националистически настроенные монгольские учёные – национально-освободительную борьбу монгольского народа. При этом не уделяется должного внимания колоссальному социально-имущественному расслоению монгольского общества рубежа веков, играющему едва ли ни главную роль в «революционных процессах».

49,5% поголовья скота – главного богатства монголов – было в руках 7,8% светской и духовной знати (примерно 50 тыс. человек из 600–650 тысячного населения страны). Соответственно, у 92,2% простолюдинов находилось 50,5% оставшегося скота. 60% из примерно 210 тыс. аратских хозяйств считалось бедняцкими: каждое насчитывало в среднем по 10–20 овец, 2–3 коровы и 1–2 лошади. Средний прожиточный минимум в то время для семьи из 5 человек составлял 13 голов крупного рогатого скота, 90 овец, 3 верблюда и 14 лошадей. Это обстоятельство как монгольскими, так и российскими историками считается серьёзной причиной кризиса, оформившегося в Монголии к 1911 г. [4. С. 13–14].

Борьба с маньчжурами привела в 1915 г. сначала к автономии Монголии, закреплённой Кяхтинским трёхсторонним соглашением, а в последующем к её отмене. Сам бессистемный характер противостояния монгольской элиты и цинской администрации свидетельствует о кризисном состоянии монгольского общества и отсутствии целенаправленного характера действий разных социальных групп монголов, и здесь мы отводим этническую составляющую на второй план. По этим причинам мы, как и И.Ю. Морозова, полагаем, что до знакомства с коммунистическими идеями монголы в 1910-е гг. находились «в состоянии, близком к хаосу» [25. С. 16]. Монгольское общество начала XX в. было более разобщено по имущественно-сословному признаку, нежели «этническому». Рассуждая таким путём, понятие «национальное освобождение» к событиям 1911–1921 гг. вплоть до организации Временного народного правительства можно применять лишь с оговорками.

Любопытно замечание И.Ю. Морозовой о том, что самосознание монголов, как и других народов Центральной Азии, «базируется на образе эпических героев-богатырей... и легендах о великих ханах», вследствие чего этим народам свойственно «стремление к национальной независимости», пронесённое ими через

века маньчжурского господства [Там же. С. 11]. Данный тезис отражается скорее в фольклоре: сказания о былых славных временах и героях у западных монголов всё более распространялись по мере ужесточения китайского гнёта. В реальной ситуации указанное стремление и «единый народный порыв» отсутствовали. Вернее, этот «порыв» был чаще всего направлен против экономической эксплуатации китайцев и не являлся борьбой за общенациональные ценности.

Ещё до событий 1911–1912 гг. население Кобдоского округа и других районов Монголии выступало против усиления китайской колонизации и эксплуатации, превышения должностных обязанностей некоторых хошунных дзасаков и лам [4. С. 26; 19. Т. 4. С. 261–262; 23. С. 60–73]. Отметим, что против лам – в меньшей степени, нежели против князей. Участники Московской торговой экспедиции 1910 г. отмечали, что политика превращения Монголии в обычную провинцию Китая сводилась к ослаблению власти князей и обеднению народа, захвату территории и заселению её китайцами, уменьшению влияния русских, Богдо-гэгэна и лам на монголов, развитию китайского образования и культуры среди населения. Всё это иллюстрировалось яркими примерами, свободными от получившей в дальнейшем распространение марксистской догматики [26. С. 181–186]. Как видим, цинское правительство было хорошо осведомлено о спланированном факторе буддизма у монголов.

По дербетским наблюдениям Б.Я. Владимирцова, летом 1908 г. гнёт китайцев был темой бесконечных дебатов как в среде чиновников и лам, так и среди простого народа. В противовес этому повсеместные рассказы об Амурсане были своеобразной отдушиной, надеждой на скорейшее изменение дел и возвращение к «золотому веку» [27. С. 90]. Имелись вооружённые столкновения: к примеру, движение Тогтохо-тайджи на востоке страны. О подобных недовольствах разведчик Усинского пограничного отряда докладывал: «Дурбетов все – и чиновники, и ламы, и простой народ – восстановлены против китайцев... Чи Ван ездил в Пекин с жалобой на китайских торговцев. Китайские торговцы своей бесцеремонностью обращения, своими дикими процентами, прямо дневными грабежами поселили ненависть в сердцах дурбетов» [28. С. 39]. В канонической работе Б. Ширендыб описал всю тяжесть повинностей, возложенных на податное население [23. С. 42–60].

О ходе событий 1911–1921 гг. имеется обширная литература [3, 4, 29], поэтому нет смысла их детально описывать. Остановимся лишь на наиболее значимых фактах с фокусировкой на Западной Монголии, представляющей особый интерес, поскольку небесспорным считается утверждение О. Латтимора, что народы этого региона играли второстепенные роли в рассматриваемых процессах, когда движущей силой были халха. По его же мнению, у каждого из монгольских народов сформировался свой «национализм» [30.

Р. 5–9]. Российский консул Я.П. Шишмарёв писал в 1895 г.: «Халхы считают себя предводителями среди других многих монгольских наций и народов» [20. С. 93]. В этой связи особенно интересно выявить согласованность интересов и действий западных монголов с халха.

Как известно, вернувшись из Петербурга, где делегация лам и князей заручилась дипломатической поддержкой, 18 ноября 1911 г. в Урге была образована Временная полномочная администрация Халхаского Хурээ, которая, созвав ополчение, 29 ноября потребовала от Ургинского наместника Цинской империи и его гарнизона, состоящего из 150 человек, покинуть город, что и было сделано [4. С. 31]. 1 декабря 1911 г. публикуется «Воззвание ханов, ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, а равно хамбо, шанцотбы и да-лам всех четырех халхаских аймаков». В документе сообщалось: «Мы, монголы, искони составляли особую народность. Теперь, согласно древним порядкам, надлежит установить своё национальное, независимое от других, новое государство» [28. С. 42; 31. С. 72]. Это не согласуется с данными К. Каплонски. В рассмотренных им документах нет никакой речи о «национальном» и не фигурируют однокоренные этому слова. Постоянно употребляется фраза *тусгаар улс* «независимое государство» или *тусгаар улс төр* «независимая политика» [15. Р. 42]. Любопытно, что «Воззвание» адресовано только к четырём аймакам Халхи, Кобдоский округ на западе остался вне юрисдикции данного обращения.

29 декабря 1911 г. на престол великого хана Монголии возводится глава буддийской церкви Богдо-гэгэн VIII Джэбцундамба-хутухта и оформляется Монгольское теократическое государство со столицей, гербом, флагом, гимном и правительством [3. С. 265; 4. С. 32]. Позже, в 1914 г., был образован двухпалатный Хурал [23. С. 100] и отдельное, не входящее в Совет министров, подчиняющееся напрямую Богдо-гэгэну министерство по делам религии [24. С. 30].

Г. Кобдо (Ховд) – центр Западной Монголии (административно – Кобдоского округа) был освобождён от китайского гарнизона в августе 1912 г. К концу того же года монголами освобождается Улаангом. Между данными событиями в конце июня на общедербетском сейме в Улаангоме, созванном назначенными Ургой «краевыми министрами», было принято решение о присоединении к Монгольскому государству [23. С. 79].

Фактически прежняя административно-территориальная хошунно-сомонная система деления сохранилась. Только вместо цинских амбаней были назначены сайды – наместники Богдо-гэгэна [28. С. 43]. Кроме введения двухпалатного Хурала, носившего совещательный характер и собиравшегося только по воле Богдо-гэгэна, особых структурных изменений в аппарате управления и государственном строе не произошло. По-прежнему дзасак («князь» – глава хошуна) совмещал судебную, административную и военную

власть, сохранялось цинское законодательство и словесный суд [3. С. 277–278]. Как независимое государство Монголия пыталась установить дипломатические отношения с другими странами, но получилось только с Тибетом [22. Р. 94].

Новая автономная власть в регионе фактически законсервировала старую маньчжурскую систему, основанную на этнородовом делении общества. Это продолжало способствовать генерированию чувства своей самости и дальнейшему сохранению и трансляции территориальной идентичности у западных монголов.

Народные восстания и последовавшее объявление автономии Внешней Монголии в 1911 г. не было единовременным манифестом всего населения, так как известно, что, к примеру, дербеты и баяты некоторое время раздумывали о целесообразности антиманьчжурского выступления вслед за халха-монголами [32. С. 744]. После принятия решения под руководством Джа-ламы они всё равно продолжали колебаться: «В противовес халхасам настроение байтов было неопределённым, многие говорили: “Однако халхасы вовлекут нас в нехорошее дело, потом прикончат всех нас китайцы”» [33. С. 64].

После ареста Джа-ламы в начале 1914 г. в народе в условиях полной анархии и разрухи стали ходить разговоры о скором возвращении китайцев. Поверив в эти слухи, халхаские военные стали обвинять народ Западной Монголии в измене, «укрепляя, тем самым, среди ойратов недовольство халхасами» [34. Х. 118]. Прибывший в Кобдо столичный представитель Со-гун всё накопленное Джа-ламой имущество передал в Ургу. Это было сделано вопреки воле населения, считавшего предметы «достоянием округа». Никто из князей Кобдоского округа не был привлечён в аппарат центрального правительства, самим округом продолжал руководить халхаский князь, а расходы на войну в Кобдо 1912 г. были возложены только на население округа, но не на всю страну – эти обстоятельства способствовали упрочнению взаимных антипатий между восточными и западными монголами. В такой атмосфере активизировались князья-китаефилы. В начале лета 1915 г. на р. Ховд был проведён окружной съезд, на котором обсуждались вопросы предоставления налоговых льгот, перспективы перехода на сторону Китая и внутримонгольские проблемы. Только после этих тревожных событий руководителем округа был назначен Далай-хан Тумэн-Дэлгэрджаб, сторонник Халхи. Эта мера успокоила население [33. С. 117, 142–143]. Некоторые историки полагают, что в начале XX в. влияние Богдо-гэгэна не распространялось на территорию Кобдоского округа [12. Р. 196], как мы показали, власть Нийслэл-хурээ здесь была признана, но не одномоментно, что превращалось в довольно специфическое чувство единства запада и востока Монголии. Так, И.М. Майский невозможность проведения в округе первой всеобщей переписи населения и

скота 1918 г. объяснял плохим подчинением региона центральному правительству [35. С. 15].

Параллельно стали появляться идеи отделения от Халхи или предоставления Западной Монголии собственной автономии. По информации разведсводки штаба Приамурского военного округа за март 1912 г. западные монголы «хотели бы иметь собственного хана» [28. С. 57]. Мечты о воссоздании «Великого ойратского государства», безусловно, питал Джа-лама, которого западные монголы считали перерождением Амураны. В одном из своих писем А.В. Бурдуков желал Джа-ламе «заставить все монгольские народности» отойти от Китая и направить все усилия на образование независимого и великого ханства [36. С. 146].

Российско-монгольский договор 1912 г. и Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г. закрепили территорию Монголии в границах четырёх халхаских аймаков и Кобдоского округа с придачей ей статуса автономии в составе Китая. В этих обстоятельствах трудно рассуждать о «независимости» Автономной Монголии, бюджет которой фактически целиком формировался из миллионных займов, предоставляемых Российской империей. Дипломатическая поддержка, наличие русских военных инструкторов, поставки вооружения и другая реальная военная помощь, как ввод войск в Кобдоский округ летом 1913 г., предотвративший карательный поход китайцев (после чего была произведена демаркация границ между Кобдоским и Алтайским округами), – всё это факты прямой помощи России, без которой автономия страны находилась бы под вопросом [4. С. 40].

С ноября 1917 г. Ургинская управа Сиббюро ЦК РКП(б) начинает революционную работу в Монголии. В апреле 1918 г. была разработана специальная инструкция, среди положений которой предлагалось поддерживать традиционный панмонголизм, использовать противоречия среди князей, «установить в Монголии престиж Советского правительства путём искусной агитации как среди масс, так и влиятельных княжеских кругов». Практическое выражение декларируемых постулатов в условиях Гражданской войны не могло осуществиться [29. С. 78]. Здесь мы вплотную подошли к проблеме социальной стратификации (князья, ламы, народные низы) и противоречий между духовной и светской аристократией, возникшими вследствие обогащения первых в период Автономной Монголии. Особое внимание этому уделяли исследователи периода социализма. Так, число шабианаров Богдо-гэгэна за этот период увеличилось с 55 479 чел. до 89 362 чел. Рост числа «учеников» был присущ и остальным церковным иерархам [3. С. 279]. Иногда араты добровольно переходили в подчинение Богдо-гэгэна. По-видимому, это объясняется тем, что так они получали некоторые льготы: освобождались от воинской повинности, уплаты общих налогов, а безземельные могли свободно кочевать по всему хошуну [35]. Как и прежде, в Кобдоском округе шабианары отсутствовали. Сами князья ещё в

1910 г. за редким исключением были «необразованные, политически неразвитые, приученные к китайскому господству», «жили разрозненно», превратившись «в покорных слуг» цинского правительства [26. С. 181].

В 1918 г. Китай начинает экономическую, военную и политическую «оккупацию» Автономной Монголии. Ярким примером служит суд против баятского князя Пунцуг-гуна и его подданных, обвиняемых в «подстрекательстве монголов против китайцев» в 1911–1912 гг. Сходные процессы прошли по всей Монголии. Таким способом Китай считал освободительную борьбу монголов «преступной деятельностью», что само по себе говорит об образе мыслей республиканских властей, по-прежнему, представляющих Монголию обыкновенной провинцией Китая [29. С. 79–82].

Автономия Монголии была ликвидирована 17 ноября 1919 г. в результате подписания министрами «Коллективной петиции правительства князей и лам Внешней Монголии», подготовленной генералом Сюй Шучженем. Кроме объективных китайских причин в поражении идеи автономии большую роль сыграл субъективный фактор – противоборство духовных и светских группировок в монгольском руководстве и общее кризисное состояние внутри страны. Многие князья склонялись в сторону Китая [Там же. С. 87–89]. Это опять же свидетельствует об отсутствии единства в правительстве Монголии и, соответственно, нельзя полагать, что руководство отражало чаяния «народных масс». Вместе с этим известен высокий духовный авторитет Богдо-гэгэна VIII среди населения, что отражено в его титуле «Многими возведённый», поэтому О. Батсайхан и С.Л. Кузьмин вполне правомерно считают восшествие на престол главы буддийской церкви в Монголии волеизъявлением всего народа [31. С. 73]. Вероятнее всего, только этим и исчерпывается воля всех слоёв монголов.

Если «революция сверху» выглядела вышеизложенным образом, то о господствующей в среде западных монголов атмосфере «народного освобождения» красочно свидетельствуют публикации А.В. Бурдукова. О снабжении войск оружием в ноябре 1912 г. он писал следующее: «Хлопочут в командующих монгольских верхах, в самом же народе не заметно никакого подъёма национального чувства» [34. X. 112]. Поводы массовых китайских погромов были в том, что монголы «соблазнились лёгкой наживой» [33. С. 53]. К этому же сводились причины участия множества западных монголов в штурме Кобдо в августе 1912 г.: они «воодушевлены, однако, не национальным порывом, а надеждой на лёгкую и быструю добычу. После разгрома китайских факторий у них разгорелся аппетит. Добыча же в Кобдо была несравненно больше» [Там же. С. 77].

Подобные высказывания, не укладывающиеся в прокрустово ложе советской исторической науки, были раскритикованы И.Я. Златкиным, комментировавшим собрание воспоминаний и писем А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии». Так, комментатор обви-

нял автора в «поверхностном суждении», «упрощённом толковании важных политических событий», «недооценке размаха... национально-освободительного движения монголов» [33. С. 377, 381].

Мы видим, как реальные исторические события, наблюдаемые, по существу, непосредственным участником, мифологизируются и становятся частью новой истории Монголии, а в последующем вплетаются в систему мифов, питающих современный монгольский национализм. Безусловно, можно рассуждать о субъективности взглядов обоих процитированных выше исследователей, но факт того, что информация о случившемся почерпнута либо из бесед с участниками, либо засвидетельствована самим А.В. Бурдуковым, придаёт его записям весомость и правдоподобность.

Период кратковременной китайской «оккупации» заканчивается вторжением осенью 1920 г. в Монголию азиатской дивизии барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга и взятием им Урги в феврале 1921 г. Затем последовали возведение на престол Богдо-гэгэна и восстановление теократического государства. Появление «белых» за пределами Советской России обосновало вхождение РККА на территорию Монголии. Этот безусловный факт ныне оспаривается, но он считался само собой разумеющимся в то время. Видный советский дипломат А.А. Иоффе в письме В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Г.Е. Зиновьеву и И.В. Сталину отмечал, что «если бы в Монголии не было Унгерна и наши товарищи там не поспешили бы, мы также не советизировали бы Монголию, как не советизировали Восточный Туркестан...» [29. С. 115].

10 июля 1921 г. по поручению Богдо-гэгэна министерства восстановленного теократического правительства Автономной Монголии сдали свои печати Временному народному правительству [31. С. 79]. Началась другая история Монголии, повлёкшая за собой дальнейшее становление монгольской нации.

Применение по отношению к событиям 1911–1921 гг. клише «национально-освободительное движение» подразумевает существование нации монголов, что является крайне спорным и неоднозначным вопро-

сом. Очевидно, что при такой постановке проблемы исследователь априори относит возникновение искомой монгольской нации ко времени существования империи Чингисхана. Совсем сводить со счетов «общенациональное» тотальное желание населения избавиться от маньчжурского владычества не стоит, но и превозносить его выше других обстоятельств также не вполне корректно. При анализе рассмотренных событий не стоит забывать о массе причин, формировавших тогдашнюю ситуацию: колоссальное социально-имущественное расслоение общества, находящегося в кризисном состоянии, разобщённость властвующей элиты Монголии, полиэтнический состав страны и внешнеполитические роли Китая и России. Также невозможно применение к событиям 1911–1921 гг. термина «революция», поскольку руководство Автономной Монголии не произвело коренную смену социально-политической системы в стране: формы собственности, структура населения и общественные отношения остались на прежнем уровне, сформированном цинским правительством.

В этой связи, чтобы избежать видения в рассмотренных процессах единой монгольской нации, логичнее именовать события 1911–1921 гг. «освободительное движение». В заявлении западных монголов иметь своего князя ими демонстрировалось ощущение своей инаковости в условиях контакта с халха-монголами. Ультимативный характер этого заявления и угроза (при условии его невыполнения) присоединения к Китаю или России говорят об отсутствии чувства национальной солидарности у всех групп монголов, которому ещё предстоит сформироваться. Освободительное движение в Западной Монголии было ярким проявлением состояния внутренней консолидации народов региона и их территориальной идентичности, а также продемонстрировало наличие у западных монголов представления о своём неотъемлемом и равноправном, наряду с халха, положении внутри страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх (Краткая история Кобдо). Улаанбаатар : ШУА-ийн хэвлэл, 1964. 229 х. на монгол. яз.
2. Ширендыб Б. Избранные произведения. М. : Наука; Глав. ред. вост. лит., 1973. 339 с.
3. История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Наука; Глав. ред. вост. лит., 1983. 664 с.
4. История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. М. : ИВ РАН, 2007. 448 с.
5. Батунаев Э.В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ : ИМБТ СО РАН, 2013. 24 с.
6. Тишков В.А. Реквием по этносу. М. : Наука, 2003. 543 с.
7. Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 58–70.
8. Элбэгдорж Ц. Я сын простого арата, научившийся ходить среди высоких гор. Улан-Батор, СПб : [б.и.]. 2014. 202 с.
9. Munkh-Erdene L. The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the seventeenth to the early twentieth century) // Inner Asia. 2006. Vol. 8, No 1. P. 51–98.
10. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, перераб. и исправ. СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2013. 384 с.
11. Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.
12. Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. New York : Frederick A. Praeger, 1968. 460 p.
13. Atwood C. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. N.Y. : Facts on File, 2004. 678 p.
14. Sneath D.A. Constructing Socialist and Post-Socialist Identities in Mongolia // Mongolia after Socialism: Politics, Economy, Religion. Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. P. 147–164.

15. Kaplonski C. Creating national identity in socialist Mongolia // *Central Asian Survey*. 1998. № 17 (1). P. 35–49.
16. Саруул Д.Ж. Болдбаатар: «Халхинский Ундур Гэгээн был редкостно талантливым человеком» // *Монголия сегодня*. 2015. 7 июня. № 23 (676).
17. Шмыт А.С. Культ Чингисхана в период Монгольской Народной Республики и в современный период как элемент национальной идентичности монголов // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 4 (47). С. 307–310.
18. Diener A.C. Mongols, Kazakhs, and Mongolian Territorial Identity: Competing Trajectories of Nationalization // *Central Eurasian Studies Review*. Winter 2005. Vol. 4, No. 1. P. 19–24.
19. Монгол Улсын түүх. Дөтгөөр боть (XVII–XX зууны эхэн) / ред. проф. А. Очир, проф. Б. Энхтүвшин. Улаанбаатар хот: МУШУА-н Түүхийн хүрээлэн, 2003. Т. 1–5.
20. Батсайхан О. Независимость Монголии 1911 г. и Богд хаан // *Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука*. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, Ч. 1. С. 93–97.
21. Курас Л.В. Синьхайская революция 1911–1913 гг. и Монголия: современная российско-монгольская историография // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2015. № 2 (18). С. 97–111.
22. Szilagyi Z. Revolution or Fight for Independence? Some Remarks on the Theocratic Mongolian State of 1911 // *Mongolian Studies in Europe 2. Proceedings of the Conference Held on the Occasion of the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution for Independence, Budapest, 20 April, 2011* / ed. by Agnes Birtalan. Budapest: Eotvos Lorand University, Department of Inner Asian Studies, 2012. P. 91–96.
23. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков (история социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. 518 с.
24. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит., 1971. 400 с.
25. Морозова И.Ю. Социальные преобразования в Монголии в 20–40-х годах XX века: дис. ... канд. ист. наук: М.: МГУ, 2002. 223 с.
26. Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. 353 с.
27. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г.И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
28. Дацышен В.Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // *Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука*. Иркутск-Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, Ч. 1. С. 25–47.
29. Лузинин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 320 с.
30. Lattimore O. Nationalism and revolution in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1955. 186 p.
31. Батсайхан О., Кузьмин С.Л. Основания современной монгольской государственности // *Олон улсын судлал*. 2008. № 2. С. 68–86.
32. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: [б.и.], 1926. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. 898 с.
33. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит., 1969. 417 с.
34. Бурдуков А.В. XX зууны эхэн үеийн Баруун Хойд Монголын түүхийн чухал сурвалж / пер. Б. Нямдорж, ред. Н. Цэдэв. Улаанбаатар хот: Соёмбо принтинг, 2014. 298 х.
35. Майский И.М. Современная Монголия (Отчёт Монгольской Экспедиции, снаряжённой Иркутской Конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительских обществ «Центросоюз»). Иркутск: Иркут. отд. Гос. изд-ва РСФСР, 1921. 470 с.
36. Ломакина И. Голова Джа-ламы. СПб.; Улан-Удэ: Агентство Эко-Арт, 1993. 250 с.

Terentyev Vladislav I. Mongolian National University (Ulaanbaatar, Mongolia); Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia). E-mail: vlad33@bk.ru

THE SEARCH OF THE MONGOLIAN NATION IN THE LIBERATION MOVEMENT IN 1911–1921.

Keywords: nation; western Mongols; liberation movement; historiographical traditions.

Traditional naming of socio-political events that have occurred in Outer Mongolia in 1911–1921 the «National liberation movement» means the existence of united Mongolian nation. The main objective of the article is to criticize such approach with the help of identification of ethnic consciousness of western Mongolia. For these purpose the author analyzed theories about the origin of Mongolian Nation: during the existence of the Hunnu State (3rd century BC); in the era of Chinggis Khaan (13th century); during the period when the territory of Mongolia was a part of the Qing Empire (middle of the 15th century – 1911); at the beginning of the XX century, under socialism (1924–1990). Some scientists have questioned the existence in Mongolia cohesive nation today. The feudal leaders of events of 1911–1912 were not interested in fundamental changes in the development of society and «left the archaic social and economic relations in the country untouched» (E.A. Belov). Therefore we can not use the concept of «revolution» towards these events. Apart the joining factors (religion, writing and negative attitude towards Chinese merchants) there were divisive ones: tremendous social and property stratification of Mongolian society. The nature of confrontation between the Mongolian elite and Qing administration indicated the critical situation in the Mongolian society and the lack of focusing actions of different social groups of the Mongolians. Also the ethno-regional features of western Mongolia played an important role. It is believed that the Khalkhas were the main driving force in the liberation movement so the perception of events in the west of the country is of a great interest. In western Mongolia simultaneously with the main processes began to appear the idea of separation from the Khalkha region or their own autonomy. About the atmosphere of indifferent attitude of most Western Mongolians to so called «National liberation» colorfully report the publications of A.V. Burdukov, who was a direct participant of the described events. His recordings have been criticized by I.J. Zlatkin who accused him of «superficial judgment», «simplistic interpretation of important political events», «underestimate the scope... of the national liberation movement of the Mongols». In order to avoid seeing in the analyzed processes united Mongol nation it is logical to call these events «liberation movement». On the Assembly of Derbet peoples in 1915, the Western Mongolians expressed their desire to have their prince. Such way they demonstrated their sense of otherness in contact with Khalkha Mongols. The ultimate nature of this «desire» and threat (in case of failure to the agreement) to join to China or Russia demonstrate the lack of a sense of national solidarity among all groups of the Mongolians, which has yet to be formed.

REFERENCES

1. Gongor, D. (1964) *Khovdyn khuraanguy tykh* [A Brief History of Kobdo]. Ulaanbaatar: ShUA-iyn khevel. (In Mongolian).
2. Shirendyb, B. (1973) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from Mongolian by B., Shirendyb. Moscow: Nauka.
3. Okladnikov, A.P. (ed.) (1983) *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. 3rd ed. Moscow: Nauka.
4. Yaskina, G.S. (ed.) (2007) *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. The twentieth century]. Moscow: RAS.
5. Batunayev, E.V. (2013) *Bor'ba za nezavisimost' Mongol'skogo gosudarstva (1911–1921 gg.)* [The struggle of the Mongolian state for independence (1911–1921)]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude: Sb RAS.

6. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu* [Requiem for Ethnos]. Moscow: Nauka.
7. Shmyt, Z. (2011) Natsiya i etnichnost' v Mongolii [Nation and ethnicity in Mongolia]. *Etnotraficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 58–70.
8. Elbegdorj, Ts. (2014) *Ya syn prostogo arata, nauchivshiysya khodit' sredi vysokikh gor* [I am the son of a simple Arata who learnt to walk in the high mountains]. Ulan-Bator, SPb: [s.n.].
9. Munkh-Erdene, L. (2006) The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From the seventeenth to the early twentieth century). *Inner Asia*. 8(1). pp. 51–98. DOI: 10.1163/146481706793646792
10. Skrynnikova, T.D. (2013) *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. 2nd ed. St. Petersburg: EV-RAZIYa.
11. Chimitdorzhiev, Sh.B. (2002) *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongol'skogo naroda v XVII–XVIII vv.* [The national liberation movement of the Mongolian people in the 17th – 18th centuries]. Ulan-Ude: SB RAS.
12. Bawden, C.R. (1968) *The Modern History of Mongolia*. New York: Frederick A. Praeger.
13. Atwood, C. (2004) *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts on File.
14. Sneath, D.A. (2012) Constructing Socialist and Post-Socialist Identities in Mongolia. In: Knauff, B. & Taupier, R. (eds) *Mongolia after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press. pp. 147–164.
15. Kaplonski, C. (1998) Creating national identity in socialist Mongolia. *Central Asian Survey*. 17(1). pp. 35–49. DOI: 10.1080/02634939808401022
16. Sarul, D. & Boldbaatar, Zh. (2015) Khalkhinskiy Undur Geegen byl redkostno talantlivym chelovekom [The Halki Undur Geegen was an unusually talented person]. *Mongoliya segodnya*. 7th June.
17. Shmyt, A.S. (2014) The cult of Genghis Khan in the period of Mongolian People's Republic and in modern Mongolia as an element of Mongolian national identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*. 4(47). pp. 307–310. (In Russian).
18. Diener, A.C. (2005) Mongols, Kazakhs, and Mongolian Territorial Identity: Competing Trajectories of Nationalization. *Central Eurasian Studies Review*. 4(1). pp. 19–24.
19. Ochir, A. & Enkhtyvvshin, B. (ed.) (2003) *Mongol Ulsyn tyykh. Dötgöör bot' (XVII–XX зууны ехен)* [Mongolian History. In 5 vols (The 17th – 20th centuries)]. Vol. 1–5. Ulaanbaatar khot: MUSHUA-n Tyykhiyn khyreen.
20. Batsaykhan, O. (2014) Nezavisimost' Mongolii 1911 g. i Bogd khaan [Independence of Mongolia in 1911 and the Bogd Khaan]. In: Sukhodolov, A.P. (ed.) *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia in the early 20th century diplomacy, economics and science]. Book 3 (1). Irkutsk-Ulan-Bator: Baikal State University of Economics and Law. pp. 93–97.
21. Kuras, L.V. (2015) Sin'khayskaya revolyutsiya 1911–1913 gg. i Mongoliya: sovremennaya rossiysko-mongol'skaya istoriografiya [Xinhai Revolution of 1911–1913 and Mongolia: The modern Russian-Mongolian historiography]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2(18). pp. 97–111.
22. Szilagyi, Z. (2011) [Revolution or Fight for Independence? Some Remarks on the Theocratic Mongolian State of 1911]. *Mongolian Studies in Europe* 2. Proceedings of the Conference Held on the Occasion of the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution for Independence. Budapest. 20th April 2011. Budapest: Eotvos Lorand University, Department of Inner Asian Studies. pp. 91–96.
23. Shirendyb, B. (1963) *Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov (istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Mongolia at the turn of the 20th century (The history of social and economic development)]. Ulan-Bator: Committee for Press.
24. Shirendyb, B. (1971) *Istoriya Mongol'skoy narodnoy revolyutsii 1921 goda* [History of the Mongolian People's Revolution in 1921]. Moscow: Nauka.
25. Morozova, I.Yu. (2002) *Sotsial'nye preobrazovaniya v Mongolii v 20–40-kh godakh XX veka* [Social transformations in Mongolia in the 20–40s of the 20th century]. History Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
26. Popov, V.L. et al. (1912) *Moskovskaya trgovaya ekspeditsiya v Mongoliyu* [Moscow Trade Expedition to Mongolia]. Moscow: P.P. Ryabushinskiy.
27. Vladimirtsov, B.Ya. (2002) *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
28. Datsyshen, V.G. (2014) Mongoliya v sostave Tsinskoy imperii v nachale XX veka i Sin'khayskaya revolyutsiya [Mongolia as part of the Qing Empire in the early 20th century and Xinhai Revolution]. In: Sukhodolov, A.P. (ed.) *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia in the early 20th century diplomacy, economics and science]. Book 3 (1). Irkutsk-Ulan-Bator: Baikal State University of Economics and Law. pp. 25–47.
29. Luzyanin, S.G. (2003) *Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskoe vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia – Mongolia – China in the early 20th century. Political relations in 1911–1946]. Moscow: Ogn.
30. Lattimore, O. (1955) *Nationalism and revolution in Mongolia*. New York: Oxford University Press.
31. Batsaykhan, O. & Kuz'min, S.L. (2008) Osnovaniya sovremennoy mongol'skoy gosudarstvennosti [Foundations of modern Mongolian statehood]. *Olon ulsyn sudlal*. 2. pp. 68–86.
32. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhai edge]. Vol. 2. Leningrad: [b.i.].
33. Burdukov, A.V. (1969) *V staroy i novoy Mongolii* [In the old and new Mongolia]. Moscow: Nauka.
34. Burdukov, A.V. (2014) *XX зууны ехен yeiyn Baruun Khoyd Mongolyn tyykhiyn chukhal survalzh* [North-West in the early 20th century as an important source of Mongolian history]. Ulaanbaatar: Soembo printing.
35. Mayskiy, I.M. (1921) *Sovremennaya Mongoliya (Otchet Mongol'skoy Ekspeditsii, snaryazhennoy Irkutskoy Kontoroy Vserossiyskogo Tsentral'nogo Soyuza Potrebitel'skikh obshchestv "Tsentrosyuz")* [Modern Mongolia (Report on Mongolian Expedition, initiated by the Irkutsk Office of All-Russian Central Union of Consumer Societies "Central Union")]. Irkutsk: Irkutsk Dep. Of the RSFSR State Publishing House.
36. Lomakina, I. (1993) *Golova Dzha-lamy* [The Head of Ja Lama]. St. Petersburg-Ulan-Ude: Eko-Art.